

DOI: 10.25178/nit.2024.4.8

Статья

Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии

*Марина Ю. Шингарева, Эльмира А. Орынбетова, Елена С. Мезенцева,
Наталья В. Дмитриук, Галия А. Темирбекова*

Южно-Казахстанский педагогический университет им. У. Жанибекова, Казахстан

В статье сопоставляются образы мира тувинцев, казахов, русских и англичан, отраженные в соответствующей зоонимной фразеологии и паремиологии. Материалом исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ) и паремиологические структуры (ПС) с зоосемическим компонентом, полученные в ходе сплошной выборки из соответствующих фразеологических словарей и сборников пословиц и поговорок сопоставляемых языков.

Был осуществлен статистический анализ наиболее частотных зоосемических номинаций, совпавших по частоте употребления во фразеологических / паремиологических корпусах четырех сопоставляемых языков. В результате для лингвокультурологического анализа были отобраны пять номинаций животных в составе ФЕ и ПС — конь/аьт/am/horse; собака/ым/um/dog; овца/баран/хой/қой/sheep; волк/бөрү/бөрі/қасқыр/wolf и птица/куш/құс/bird. Новизна исследования заключается в этнокультурологическом сопоставлении зоосемических ФЕ для выявления специфической и универсальной культурной информации о моделях зоосемического культурно-языкового кода в архетипах сознания тувинцев, казахов, русских и англичан.

В результате исследования обнаружено, что в ходе сопоставления зоокомпонентов во фразеологических единицах и паремиях выявляются как общие (кросскультурные), так и этноспецифические модели восприятия животного мира, которые определяют закономерности образной интерпретации окружающих реалий и специфику концептуализации представлений человека о животных в разных культурах.

Ключевые слова: зооним; зоосемическая фразеология; зоосемическая паремиология; архетип языкового сознания; тувинский язык; казахский язык; русский язык; английский язык

Для цитирования:

Шингарева М. Ю., Орынбетова Э. А., Мезенцева Е. С., Дмитриук Н. В., Темирбекова Г. А. Отражение национальных образов мира тувинцев, казахов, русских и англичан в зоонимной фразеологии и паремиологии // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 110-126. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.8>

Шингарева Марина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: logrus1976@mail.ru

Орынбетова Эльмира Асилтаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: asiltaevna@mail.ru

Мезенцева Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: mez_aiu@mail.ru

Дмитриук Наталья Васильевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: nvdmitr@yandex.ru

Темирбекова Галия Азатбековна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова. Адрес: 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: temirbekova.galiya@mail.ru

Reflection of National Worldviews in the Zoonymic Phraseology and Paremiology of Tuvans, Kazakhs, Russians, and Englishmen

**Marina Yu. Shingareva, Elmira A. Orynbetova, Yelena S. Mezentseva,
Natalya V. Dmitryuk, Galiya A. Temirbekova**

South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, Kazakhstan

The article compares the worldviews of the Tuvans, Kazakhs, Russians, and English, as reflected in the respective zoosemantic phraseology and paremiology. The study is based on phraseological units (PUs) and paremiological structures (PSs) containing zoosemantic components, collected through a systematic sampling from the relevant phraseological dictionaries and collections of proverbs and sayings of the compared languages.

A statistical analysis was conducted on the most frequent zoosemantic nominations that appeared with similar frequency in the phraseological/paremiological corpora of the four languages. As a result, five animal nominations were selected for linguistic and cultural analysis within PUs and PSs: horse (kon'/a't/a't/horse); dog (sobaka/y't/ym/dog); sheep (ovtsa/baran/khoy/koy/sheep); wolf (volk/boru/bory/kaskyr/wolf); and bird (ptitsa/kush/kys/bird). The novelty of the study lies in the ethnocultural comparison of zoosemantic PUs to uncover both specific and universal cultural information about the models of zoosemantic cultural-linguistic codes in the archetypes of the consciousness of the Tuvans, Kazakhs, Russians, and English.

The study reveals that the comparison of zoocomponents in phraseological units and proverbs shows both shared (cross-cultural) and ethnospecific models of perceiving the animal world, which determine the patterns of figurative interpretation of surrounding realities and the specific ways of conceptualizing human perceptions of animals in different cultures.

Keywords: *zoonym; zoosemic phraseology; zoosemic paremiology; archetype of linguistic consciousness; Tuvan language; Kazakh language; Russian language; English language*

For citation:

Shingareva M. Yu., Orynbetova E. A., Mezentseva E. S., Dmitryuk N. V. and Temirbekova G. A. Reflection of National Worldviews in the Zoonymic Phraseology and Paremiology of Tuvans, Kazakhs, Russians, and Englishmen. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 110-126. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.8>

SHINGAREVA, Marina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: logrus1976@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1866-035X

ORYNBETOVA, Elmira Asiltaevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: asiltaevna@mail.ru

MEZENTSEVA, Yelena Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: mez_aiu@mail.ru

DMITRYUK, Natalya Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: nvdmitr@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8527-0338

TEMIRBEKOVA, Galiya Azatbekovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13 Baitursynov St., Shymkent, Kazakhstan, 160012. E-mail: temirbekova.galiya@mail.ru

Введение

Зоонимная фразеология, которая является предметом обсуждения в данной статье, объединяет фразеологизмы, в состав которых входят зоонимы, то есть слова и сочетания, образованные от названий животных. При этом понятие *зоонимы* охватывает как анимализмы (термин, обозначающий отличительные признаки животного тела в сравнении с растительным), так и зоосемизмы (метафоричные названия лиц, мотивированные названиями животных) на основе имеющейся между ними генетической связи (Козлова, 2003: 145).

В лингвистических исследованиях названия животных получили различные наименования, в частности, «зооним» у С. Г.-И. Росинене¹, Р. М. Гайсиной², Н. В. Солнцева³, «зоосемизм» — у А. А. Киприяновой⁴, «анималистическая» лексика — у Н. В. Бирюковой⁵, А. В. Буробина⁶, а также «животноводческая», «скотоводческая» и т. п. лексика — у П. Аширова⁷ и В. И. Рассадина (Рассадин, 2011) и др.

Фразеологизмы с названиями животных давно привлекали внимание широкого круга лингвистов; из публикаций последних лет стоит отметить исследование Е. Е. Иванова, Ж. В. Марфиной, О. В. Шкурана, рассматривающее номинации животных в тувинских пословицах и поговорках (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022); частное исследование образа коня в тувинских загадках А. М. Сояна (Соян, 2023); образ волка в казахском фольклоре у Б. С. Сарбасова (Сарбасов, 2016); образ России через зоонимные метафоры в американском медийном дискурсе (Solopova, Nilsen D., Nilse A., 2023), разнообразие охотничьей лексики в языковой картине мира народов Саяно-Алтая Ш. В. Дамбаа и Н. Д. Сувандии (Дамбаа, Сувандии, 2021); работы, посвященные компаративным исследованиям зоонимов в казахском и русском языках С. К. Сансызбаевой⁸; в казахском, русском и английском языках М. Ю. Шингаревой⁹; в английском и турецком Д. М. Марданова¹⁰; исследования, рассматривающие поговорки русского языка Е. С. Мезенцевой¹¹; казахского и русского языков Б. Кадырхановой и К. Утегенова (Кадырханова, Утегенов, 2016), английского языка А. В. Егоровой¹²; американского варианта английского языка У. Мийдера (Mieder, 2019) и многие другие.

В нашем исследовании впервые предпринята попытка комплексного анализа общих зоонимов в составе фразеологических единиц тувинского, русского, казахского и английского языков на уровне семантического поля, архетипических образов и культурных ассоциаций, этнокультурной маркированности функций зоонимов, различных социолингвистических факторов и историко-культурного контекста. Мы полагаем, что такой подход позволит воссоздать зоонимную/зоонимическую картину мира лингвокультур и проанализировать, как восприятие одних и тех же животных отразилось в национальных образах мира разных народов, зафиксированных в зоонимической лексике.

¹ Росинене С.-Г. И. Характеристика человека зоонимами в литовском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1978.

² Гайсина Р. М. Переносные антропологические значения зоонимов башкирского и татарского языков в сопоставлении и зеркале русского // Язык: философия, семантика, синтаксис: сб. избр. работ. Уфа: РИД БашГУ, 2008. С. 526–536.

³ Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

⁴ Киприянова А. А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 330–332.

⁵ Бирюкова Н. В. Анималистическая фразеология русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990.

⁶ Буробин А. В. Национально-культурная специфика анималистической фразеологии русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

⁷ Аширов П. Животноводческая лексика в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.

⁸ Сансызбаева С. К. Метафоры-фреквенталии в сфере «животное-человек (на материале русского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001.

⁹ Шингарева М. Ю. Идиоматическая зооконцептосфера и ее отражение в языковой картине мира представителей разных лингвокультурных сообществ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2005.

¹⁰ Марданова Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997.

¹¹ Мезенцева Е. С. Пословичная картина мира в языковом сознании русских: функционирование и трансформация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кокшетау, 2010.

¹² Егорова А. В. Имена живой и неживой природы в аксиологическом и концептологическом аспектах (На материале пословично-поговорочного фонда английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006.

Выбор именно данных четырех лингвокультур для сопоставительного исследования мотивирован прежде всего принятой в Казахстане языковой политикой трехязычия — казахский, русский и английский языки в рамках государственной образовательной программы изучаются в школе и в вузах, чем, собственно, обусловлены разработанные нами академические курсы по сопоставительному языкознанию и, в частности, по фразеологии и паремиологии. Добавить к нашим исследованиям материал тувинской лингвокультуры представилось чрезвычайно интересным в плане сопоставления двух родственных тюркских языков для выявления степени их близости и неизбежной специфики: способов отражения в казахском и тувинском языках национальных образов мира, обусловленных практической деятельностью географически разошедшихся этносов — в большей степени кочевой для казахов и охотничьей для тувинцев. Английский язык представляется интересным для сопоставления как «наследник» латыни и самый распространенный сегодня международный язык степенью своего проникновения в русский и оба тюркских языка.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ) и паремиологические структуры (ПС) с зоосемическим компонентом в тувинском, казахском, русском и английском языках, которые были получены в результате сплошной выборки конструкций с компонентом-зоонимом из разных фразеологических словарей (в том числе двуязычных) и сборников пословиц. В частности, в казахском фразеологическом словаре И. Кенесбаева¹ таких фразеологизмов насчитывается 409 единиц; в русском корпусе словаря под редакцией А. И. Молоткова² — 402 ФЕ, в тувинском фразеологическом словаре Я. Ш. Хертека³ и сборнике пословиц и поговорок Б. К. Будупа⁴ — 158, и во фразеологическом словаре английского языка А. В. Кунина⁵ — 645 фразеологических единиц британского английского языка.

Результаты проведенного нами статистического сопоставительного анализа позволили выявить пять наименований животных, нашедших отражение во фразеологии и паремиологии всех четырех языков, но по-разному запечатлевшихся в сознании данных этносов.

Лингвосемантический сопоставительный анализ номинаций зоонимов в составе ФЕ сопоставляемых языков

Проведенный анализ словарей позволил нам составить базу наименований животных в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок тувинского, казахского, русского и английского языков. Так, в тувинском фразеологическом и паремиологическом фонде были зафиксированы следующие зоонимы: *адыг* 'медведь', *алдын-доос* 'павлин', *анай* 'козел', *аң* 'зверь', *арзыллаң* 'лев', *аът* 'конь', *балык* 'рыба', *бодаган* 'верблюжонок', *бөрү* 'волк', *буга* 'бык', *бызаа* 'теленка', *диш* 'белка', *дилги* 'лиса', *дээлдиген* 'коршун', *инек*, *саар инек* 'корова', *каарган* 'ворона', *кас* 'гусь', *киш* 'соболь', *кулун* 'жеребенок', *курт* 'червь', *куш* 'птица', *күске* 'мышь', *кээрген* 'кедровка', *лама* 'лама', *ал* 'скот', 'табун', *мезил* 'налим', *морзук* 'барсук', *өдурек* 'утка', *пар* 'тигр', *сааскан* 'сорока', *теве* 'верблюд', *тоолай* 'заяц', *хаван* 'свинья', *ховаган* 'бабочка', *хой* 'овца', *чылан* 'змея', *ыт* 'собака', *эник* 'щенок'.

Для удобства дальнейшего сопоставительного анализа мы составили круговую диаграмму представленности зоонимной лексики в каждом корпусе сопоставляемых ФЕ по четырем языкам, чтобы продемонстрировать, какой объем (степень употребительности) занимают те или иные зоонимы во фразеологической картине мира каждого из сопоставляемых этносов.

Так, в *диаграмме 1* представлена частота употребительности зоонимной лексики в составе фразеологического и паремиологического фонда тувинского языка.

В диаграмме видно, что основная часть ФЕ и паремий тувинцев посвящена коню (30%), далее по частоте употребления зафиксирован зооним 'собака' (11%), затем 'скот' (8%) и 'верблюд' (6%).

¹ Кенесбаев И. Фразеологический словарь. Алматы: Изд-во «Арыс», 2007.

² Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.

³ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975.

⁴ Будуп Б. К. Пословицы и поговорки тувинского народа. Кызыл: Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзеге-ша; Автономная коммерч. организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020.

⁵ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М., 1984.

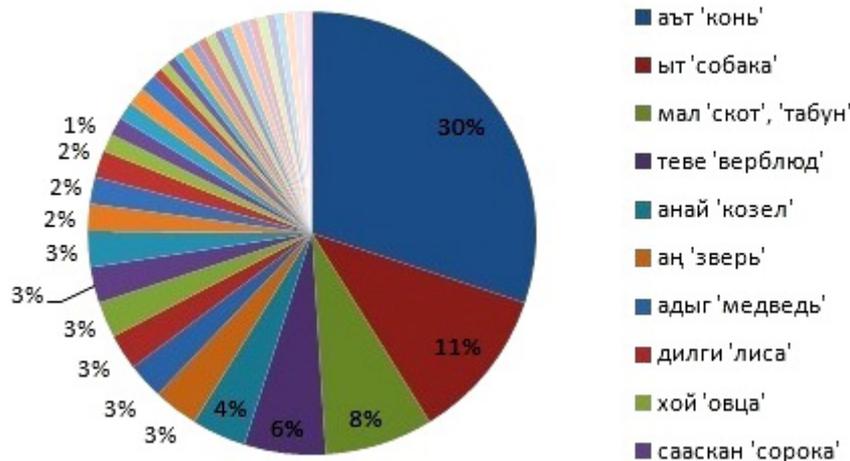

Диаграмма 1. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда тувинского языка.
Diagram 1. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Tuvan language.

Рассмотрим наименования животных, выбранные нами из ФЕ и паремий казахского языка: ай-даһар 'дракон', ара 'пчела', арқар 'архар', арыстан/арыстанның қаншығы 'лев', ат 'конь', аю 'медведь', бақа 'лягушка', балапан 'птенец', балық 'рыба', бидайық 'кречет', бит 'вошь', борсық 'барсук', бота 'верблюжонок', бөдене 'перепелка', бөкен 'антилопа', бөрі/қасқыр 'волк', бұзау 'теленок', бұқа 'бык', бұлбұл 'соловей', есек 'ишак/осел', ешкі 'коза', жылан 'змея', ит 'собака', кекілік 'куропатка', қораз 'петух', күзен 'хорек', кірпі 'еж', көбелек 'бабочка', күшік 'щенок', қаз 'гусь', қарға 'ворона', қасқалдақ 'лысуха', қозы 'ягненок', қой 'овца', қоңыз 'жук', қоян 'заяц', құлан 'кулан', құндыз 'бобр', құралай 'лань', құрт 'червь', құс 'птица', қызғыш 'чибис', қырғи 'ястреб', мал 'скот', мысық 'кошка', өгіз 'вол', сазан 'сазан', сиыр 'корова', суыр 'сурок', сұңқар 'сокол', тай 'жеребенок', тана 'бычок', торғай 'воробей', тоты 'жар-птица', түйе 'верблюд', түлкі 'лиса', тышқан 'мышь', ұлар 'индейка', үйрек 'утка', үкі 'сова', шошқа 'свинья', шыбын 'муха'.

Диаграмма частотности использования зоонимов во всех ФЕ и паремиях казахского языка выглядит следующим образом.

Лидерами по частоте употребления среди зоонимов в ФЕ казахского языка оказались ат 'конь' — 24% и ит 'собака' — 22%, все остальные зоонимы значительно отстают в процентном соотношении по степени употребительности: түйе 'верблюд — 5%', қой 'овца' — 4% и т. д. (см. диаграмму 2).

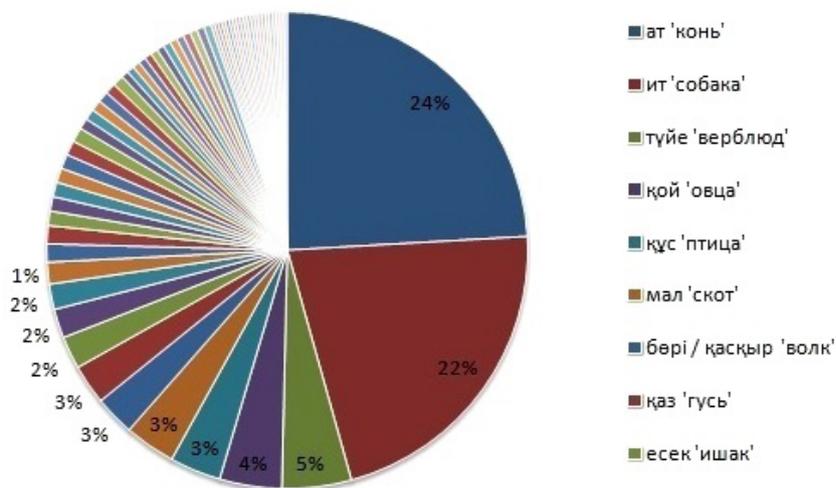

Диаграмма 2. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда казахского языка.
Diagram 2. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Kazakh language.

Обратимся к рассмотрению фразеологического и паремиологического фонда русского языка, отметив зоонимы, нашедшие в нем отражение: *баран, белка, белуга, блоха, бобр, божья коровка, бык/бычок, верблюд, вол, волк, воробей, ворон/ворона, голубь, гусь, дрозд, дятел, еж, жеребенок, журавль, заяц, змея/змий, индейка, индюк, коза, козел, комар, конь, корова, коршун, кот/кошка, котенок, крокодил, кролик, крыса, кукушка, курица, ласточка, лебедь, лев, лец, лиса, лошадь/кобыла, лунь, мартышка, медведь, мерин, муравей, муха, мышь, овца, орел, осел/ослица, пава/павлин, петух, птенец, птица/пташка, птица небесная, рак, рыба, свинья, сельдь, слон, собака/пес, сокол, соловей, сорока, сурок, сыч, теленок/телец, тетерев/тетеря, уж, утка/утенок, феникс, цыпленок, червяк, черепаха, щука, ягненок, ястреб.*

И вот тут при составлении диаграммы частотности ФЕ с зоонимным компонентом нас ждал сюрприз: явных лидеров среди анималистической лексики в составе фразеологизмов и поговорок в русском языковом сознании не оказалось и, тем более, не подтвердились сложившиеся в настоящее время стереотипы, связанные с медведем как сакральным животным русских.

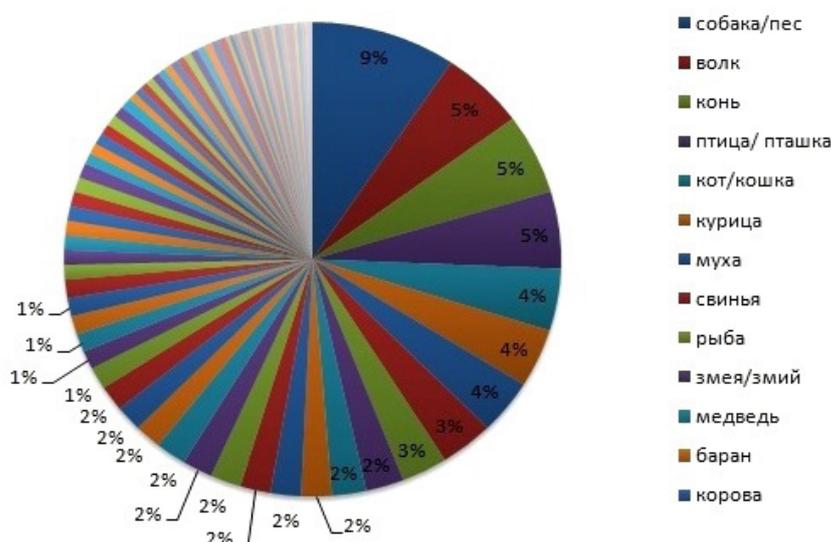

Диаграмма 3. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда русского языка.
Diagram 3. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the Russian language.

Как видим в диаграмме 3, наибольший процент востребованности среди разных зоонимов в русском фразеологическом и паремиологическом фонде пришелся на зоокомпонент ‘собака’ (9%), далее следуют ‘волк’ (5%), ‘конь’ (5%), ‘птица’ (5%), а у ‘медведя’ всего лишь 2%. Полагаем, что это яркий пример переключения культурного кода, когда стереотипы, сформированные извне, не нашли отражения в архетипах языкового сознания этноса (в данном случае, русского), но стали частью его современного культурного кода. Так, в своем необычном словаре-учебнике «Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании» его составители В. В. Дронов, В. П. Синячкин, В. И. Шляхов описывают образ «русского медведя» как символ России в Европе:

«В XX веке “русский медведь” был особенно популярен в американских СМИ. В период холодной войны, когда накал отношений между СССР и Западом был особенно велик, образ жестокого, кровожадного медведя широко использовался западными СМИ, «...» содержащими призыв противостоять “русскому медведю”»¹.

Обратимся к содержанию английской выборки зоонимов из фразеологического словаря А. Кунина. Нами были выделены следующие зоонимы в составе фразеологического фонда английского языка: *adder* ‘гадюка’, *ape/monkey* ‘обезьяна’, *ass/donkey* ‘осел’, *bandicoot* ‘сумчатая крыса’, *bat* ‘летучая мышь’, *beast* ‘зверь’, *bear* ‘медведь’, *bee* ‘пчела’, *bird* ‘птица’, *buck* ‘олень’, *bug* ‘жук’, *bull* ‘бык’, *butterfly* ‘бабочка’, *calf* ‘телец’, *camel* ‘верблюд’, *cat* ‘кошка/кот’, *chicken* ‘цыпленок’, *cock* ‘петух’, *coon* ‘енот’, *cow* ‘корова’,

¹ Дронов В. В., Синячкин В. П., Шляхов В. И. Мир диких зверей и домашних животных в русском языковом сознании : словарь-учебник. М.: РУДН, 2022. С. 26–27.

crab/lobster 'рак', *crow/raven* 'ворона/ворон', *dodo* 'ископаемая птица додо', *dog* 'собака', *dove* 'голубь', *duck* 'утка', *eagle* 'орел', *eel* 'угорь', *elephant* 'слон', *fish* 'рыба', *flea* 'блоха', *fly* 'муха', *fox* 'лиса', *frog* 'лягушка', *goat* 'козел/коза', *goose* 'гусь', *hare* 'заяц', *hawk* 'ястреб', *hen* 'курица', *herring* 'сельдь', *horse* 'лошадь', *hyena* 'гиена', *kitten* 'котенок', *lamb* 'ягненок', *lark* 'жаворонок', *leopard* 'леопард', *lion* 'лев', *magpie* 'сорока', *mouse* 'мышь', *nightingale* 'соловей', *owl* 'сова', *ox* 'вол', *oyster* 'устрица', *peacock* 'павлин', *phoenix* 'феникс', *pig/hog* 'свинья', *pigeon* 'голубь', *ostrich* 'страус', *possum* 'опоссум', *rabbit* 'кролик', *rat* 'крыса', *sheep* 'овца', *snake/serpent/snail* 'змея/змий', *squirrel* 'белка', *swan* 'лебедь', *tiger* 'тигр', *tortoise* 'черепаха', *wolf* 'волк', *worm* 'червь', *zebra* 'зебра'.

С точки зрения теории культурных стереотипов (Липпман, 2004) и *horse* 'лошадь', и *dog* 'собака' и даже *sheep* 'овца' могли стать лидерами по числу ФЕ с этими зоонимами.

Посмотрим на диаграмму 4.

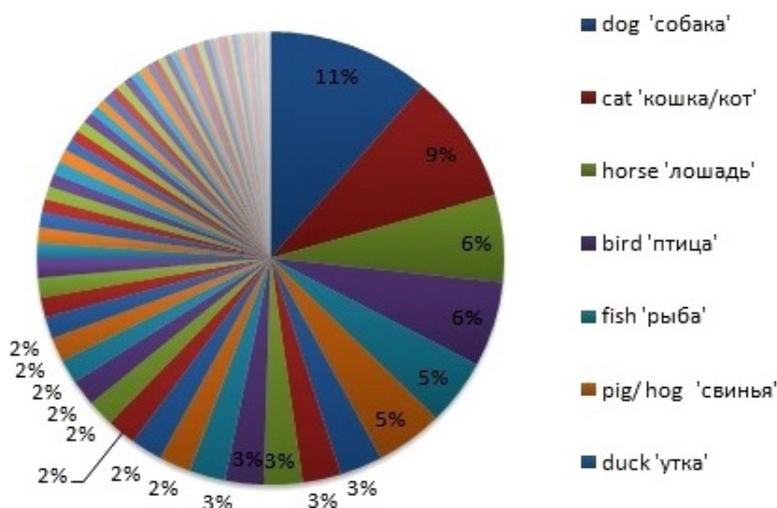

Диаграмма 4. Зоонимы в составе фразеологического и паремиологического фонда английского языка.
Diagram 4. Zoonyms as part of the phraseological and paremiological fund of the English language.

Итак, больше всего английских фразеологических единиц из числа рассматриваемых связано с зоонимом *dog* 'собака' (11%), на втором месте — *cat* 'кошка' (9%), и только потом — *horse* 'лошадь/конь' (6%) и *bird* 'птица' (6%).

Таким образом, опираясь только на количественный анализ ФЕ с зоонимным компонентом, мы можем сделать вывод об очевидной близости зоонимической фразеологической картины мира тувинцев и казахов с их почитанием коня и важной ролью собаки как части быта кочевников и охотников, частичным совпадением с русской культурой, где собака «обогнала» коня по частоте употребления в составе зоонимной фразеологии и паремиологии, и, наконец, совсем отдалены от английско-британской, где зооним 'конь' оказался на одном уровне с 'птицей' и лишь третьим после 'собаки' и 'кошки'.

В продолжение более детального сопоставительного анализа мы решили проанализировать и сравнить зоонимы, занявшие первые строчки по частоте использования во всех сопоставляемых выборках, и проверить, какие из них совпали во всех четырех языках, или в трех и двух, составив таблицу, где для наглядности обозначили их разными цветами (см. таблицу 1).

Из проведенного анализа видно, что зоокомпоненты, совпавшие во всех четырех языках с высокой частотой использования во фразеологизмах и паремиях — это конь, собака, овца/баран, волк и птица. Сомнение вызвал зооним овца/баран, поскольку русское языковое сознание разделяет эти понятия и в лидеры вышел только зооним баран, но мы сочли возможным включить его в общий список. Зоонимом, совпавшим в трех языках оказалась змея (тувинский, казахский, русский), в английском языке змея тоже представлена, но в лидеры не попала. Близость тувинской и казахской культуры выразилась в использовании зоонимов *мал/мал* 'скот' и *теве/түйе* 'верблюд'.

Таблица 1. Совпадение наиболее частотных зоокомпонентов в ФЕ по четырем сопоставляемым языкам
Table 1. The coincidence of the most frequent zoo components in the phraseological unit in four comparable languages

Тувинский язык	Казахский язык	Русский язык	Английский язык
<i>аът</i> 'конь'	<i>ат</i> 'конь'	<i>собака/пес</i>	<i>dog</i> 'собака'
<i>ыт</i> 'собака'	<i>ит</i> 'собака'	<i>волк</i>	<i>cat</i> 'кошка/кот'
<i>мал</i> 'скот', 'табун'	<i>түйе</i> 'верблюд'	<i>конь</i>	<i>horse</i> 'лошадь'
<i>теве</i> 'верблюд'	<i>қой</i> 'овца/баран'	<i>птица/пташка</i>	<i>bird</i> 'птица'
<i>анай</i> 'козел'	<i>құс</i> 'птица'	<i>кот/кошка</i>	<i>fish</i> 'рыба'
<i>аң</i> 'зверь'	<i>мал</i> 'скот'	<i>курица</i>	<i>pig/hog</i> 'свинья'
<i>адыг</i> 'медведь'	<i>бөрі / қасқыр</i> 'волк'	<i>муха</i>	<i>duck</i> 'утка'
<i>дилги</i> 'лиса'	<i>қаз</i> 'гусь'	<i>свинья</i>	<i>ape/ monkey</i> 'обезьяна'
<i>хой</i> 'овца'	<i>есек</i> 'осел/ишак'	<i>рыба</i>	<i>ass /donkey</i> 'осел'
<i>сааскан</i> 'сорока'	<i>тай</i> 'жеребенок'	<i>змея/змий</i>	<i>goose</i> 'гусь'
<i>чылан</i> 'змея'	<i>бит</i> 'вошь'	<i>медведь</i>	<i>sheep</i> 'овца'
<i>бөрү</i> 'волк'	<i>арыстан/ арыстанның қаншығы</i> 'лев'	<i>баран</i>	<i>cock</i> 'петух'
<i>инек, саар инек</i> 'корова'	<i>жылан</i> 'змея'	<i>корова</i>	<i>wolf</i> 'волк'
<i>куш</i> 'птица'	<i>қозы</i> 'ягненок'	<i>лошадь/кобыла</i>	<i>lion</i> 'лев'

- зоонимы, совпавшие в четырех языках,
- зоонимы, совпавшие в трех языках,
- зоонимы, совпавшие в двух языках.

Зафиксированы также совпадения в тувинском и русском корпусе фразеологических зоокомпонентов — это зоонимные пары *адыг — медведь*, *инек — корова*. Примечательно, что в тувинском языке зооним *корова* представлен двумя лексемами: *инек* 'корова' и *саар инек* 'дойная корова'. Удивительным оказалось совпадение трех зоонимных пар в казахском и английском языках: *қаз* 'гусь' — *goose* 'гусь', *есек* 'осел/ишак' — *ass/donkey* 'осел', *арыстан/арыстанның қаншығы* 'лев' — *lion* 'лев'. И, наконец, совпавшие зоонимные пары в русском и английском языке: это *кот/кошка* — *cat* 'кот/кошка', *свинья* — *pig/hog* 'свинья' и *рыба* — *fish* 'рыба'.

Итак, на основании статистического анализа нами были отобраны для последующего сопоставления пять наиболее типичных номинаций животных, совпавших по степени употребительности в четырех рассматриваемых группах зоонимической фразеологии: *аът/ат/конь/horse*; *ыт/ит/собака/dog*; *баран/хой/қой/овца/sheep*; *бөрү/бөрі/қасқыр/волк/wolf* и *куш/құс/птица/bird*.

Обратимся к лингвокультуроведческому сопоставительному анализу этих зоонимов в составе соответствующих (тувинских, казахских, русских и английских) фразеологизмов и паремий.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов *аът/ат/конь/horse*

Переходя к сопоставительному анализу пяти выбранных нами номинаций животных, остановимся на том, какие именно принципы легли в основу нашего анализа. Оптимальным методом сопоставительного анализа ФЕ мы считаем построение колец Венна (см.: Мамбетова и др., 2023: 118), но поскольку мы работали с большим числом ФЕ и паремий в нескольких языках, нам понадобилось изменить подход в сопоставительному анализу.

В исследованиях Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1999), Л. Б. Никитиной (Никитина, 2004), М. В. Пименовской¹, Е. В. Урысон (Урысон, 2003), А. Д. Шмелева (Шмелев, 2005) присутствует вывод о том, что человек познает окружающую действительность через себя. Фактически понятие 'объективной реальности' остается спорным в кругу философов, психологов и лингвистов, в то время как 'субъективная реальность' выстраивает это восприятие через призму огромного количества факторов — и коллективных, и индивидуальных. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, человек «запечатлел в языке» всего себя — и внешний облик, и мир эмоций и интеллекта, и отношение к окружающей действительности (Арутюнова, 1999: 3). Исходя из этой мысли, мы структурировали категории, по которым будем проводить сопоставительный анализ, по следующим признакам: 1) внешний облик, а именно наличие характерных признаков, деталей, отмеченных носителями определенной лингвокультуры, поскольку именно детализация образа говорит о глубине познания объекта; 2) эмоциональная составляющая, а именно оценочные характеристики, свойства, которыми человек награждает то или иное животное; и 3) объективизация окружающей действительности через образ животного.

В первую очередь рассмотрим образ коня, вербализованный зоонимами *аѣт/ат/конь/horse* в соответствующих лингвокультурах. Особенности анализа данного зоонима связаны с тем, что тувинское и казахское языковое сознание разделяют коня — *аѣт/ат* и жеребенка — *кулун/май*. В русском языковом сознании существуют *конь* — благородное животное и *лошадь* — рабочая сила. Поэтому для чистоты анализа мы используем только коррелирующие зоонимы *конь/аѣт/ат/horse*.

По представленным нами ранее данным (см. *диаграмму 1*) видно, что зооним 'конь' занимает более четверти случаев его использования в отобранной нами сплошной выборке ФЕ и паремий в тувинском и в казахском языках. Исторически конь был главным спутником мужчины-кочевника и мужчины-охотника. Прирученный еще три тысячи лет назад прототюрками в пустыне Гоби конь дошел до Древней Передней Азии и Средиземноморья². Золотой всадник на коне на голубом поле — герб Республики Тыва, два золотых крылатых коня-тулпара украшают герб Республики Казахстан. Конь является значимым животным и для русской языковой культуры, и для английской, но в английской не занимает лидирующего места. Рассмотрим внешние характеристики и детализацию образа коня, присутствующие во всех ФЕ и паремиях исследуемых языков.

В **тувинских** ФЕ упоминается рот животного (*Аѣдының аксы чайлаа* 'Миновать кого-либо, что-либо'; букв.: 'Рот его коня мимо пройдет'); голова (*Аѣдының бажы хаяр* — умирать; букв.: 'Дернется голова его лошади'); пот (*Аѣт дери* — плата за пользование лошастью; букв.: 'Пот лошади'); копыто (*Аѣт дуюу соотпас* — букв.: 'Не давать остыть конскому копыту'); хвост (*Аѣт кудуруу ызыртыр* — не отставая, след в след, сразу наступая на пятки; букв.: 'Хвост лошади кусая'); уши (*Аѣт кулаа көзулбес* — очень темно, не видно ни зги; букв.: 'Не видно конских ушей'); и даже помёт (*Аѣт мыяа кургатпас* — то же, что и *аѣт өдээ кевирбес* — очень часто гостить или бывать где-л.; букв.: 'Не давать высохнуть конскому помету').

Что касается внешних характеристик, то тувинский конь может быть худой (*Аѣды арган* — опаздывающий на угощение, невезучий, неудачливый; букв.: 'Конь его худой'); и не худой (*Аѣды арбаан* — не опаздывающий на угощение, везучий, удачливый, счастливый; букв.: 'Конь его не худой'); упитанный (*Аѣды семис* — букв.: 'Конь его упитанный'); воздушный (*Хей аѣды көдурлур* — букв.: 'Воздушный конь его поднимается' (о настроении)); старый (*Кырган аѣт орук часпас* 'Старый конь не собьется с дороги'); разноглазый («Але» *дээр кижы авыяастыг, ала карактыг аѣт дезиг*; букв.: 'Льстивый человек — лжец, разноглазый конь — пуглив')³.

В паремиях и ФЕ **казахского** языка у коня есть голова (*Ат басын (түмсығын) тіреу*; букв.: 'приткнуть голову коня, сделать привал, остановиться для отдыха'); хвост (*Ат құйрығын кесіп кету*; букв.: 'подрезать хвост коню, стать недругом, раз и навсегда' (расстаться)); круп (*Ат сауырына мінгізу*; букв.: 'посадить на круп коня' (говорится, когда неудобную жену отвозят обратно к родителям); грива (*Ат жалын тартып міну*; букв.: 'сесть на лошадь, взявшись за гриву' — повзрослеть, возмужать, годы (года) вышли);

¹ Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.

² Сулейменов О. Собрание сочинений: в 7 томах / сост. и вступ. ст. С. Абдулло. Алматы: Атамұра, 2004. Т. VII. Публицистика. Сколько было Албаний? (Из цикла «Дороги Шелка»). С. 267–284.

³ Примечание: здесь и далее характеристики приведены в произвольном порядке.

уши (Ат кұлағында ойнау; букв.: 'играть на ушах лошади' — лихо скакать на коне, джигитовать); копыто (Ат тұяғы тимеген 'Куда не ступало конское копыто' (куда не ступала нога человека)).

Казахский конь деревянный (Ағаш атқа мінгізу; ағаш аттың басына іліп әкету. букв.: 'Посадить на деревянного коня'); старый (Кәрі тарлан 'Старый скакун; старый конь'); с белым пятном на лбу (Ат төбеліндей; букв.: 'Как белое пятно на лбу лошади' — очень мало); серый (Калденең жүрген көк атты; букв.: 'Встречный путник на сером коне').

Русский конь вороной (прокатить на вороных); саврасый (на саврасой не объедешь); курьерский (на курьерских — быстро, лихо); стальной (стальной конь — паровоз); крылатый (крылатый конь — Пегас); старый (старый конь борозды не портит). Из частей тела у коня упоминаются только ноги (Конь о четырех ногах, да и то спотыкается — каждый может сделать ошибку) и зубы (Дареному коню в зубы не смотрят — подарки не обсуждают).

Английский конь мертвый (Beat a dead horse); высокий (be on high horse), темный (Dark horse), стальной (The iron horse), крылатый (The flying horse 'крылатый конь', Пегас); соленый (Salt horse — морск. жарг.: 'солонина'); маленький (A short horse is soon curried 'Маленькую лошадь быстрее чистить' (легкая работа быстрее делается); и белый (White horses 'белые лошади', барашки, белые гребни бурунов). Из частей тела коня в английских ФЕ встречается рот (Look a gift horse in the mouth 'Смотреть в рот дареному коню', в значении — обсуждать подарок) и спина (Angels on horseback — гренки с устрицами, запеченными в беконе).

Из перечисленных характеристик видно, что восприятие коня в тувинском и казахском языке более детализировано. Конь не просто целостный образ — он состоит из фрагментов, каждый из которых несет дополнительную смысловую нагрузку. В большинстве случаев отношение к коню положительное, но при этом не оказалось ни одной характеристики и даже части тела коня, совпавшей во всех четырех языках.

Далее рассмотрим те немногие оценочные характеристики коня, которые нам удалось выделить в составе ФЕ и паремий.

В тувинских ФЕ конь хороший (Аът багын мунуп билир, төрөл багын кирип билир 'Хочешь узнать хорош ли конь — объезжай, хочешь узнать, какова родня — заезжай') и пропавший (Өлген кижээ читкен аът айтыр 'Покойного хороня, посылают ему пропавшего коня').

В казахских ФЕ конь отборный, непобедимый (Ақ саңдақ жүрік — отборные скакуны); неухоженный (Атты майламай берді 'Дать кому-то неухоженного коня'); пригодный (Жарау ат 'Пригодный конь').

В русских ФЕ конь любимый (Оседлать любимого конька); боевой (Боевой конь); дареный (Дареному коню в зубы не смотрят); послушный (На послушного коня и кнута не надо).

В английских ФЕ конь рабочий (A willing horse); не тот (Back the wrong horse); дареный (Look a gift horse in the mouth 'Смотреть в зубы дареному коню'); боевой (War horse 'Боевой конь', ветеран); дикий (Wild horses wouldn't drag — разг.: 'кого-либо никакими силами не заставишь, не оторвешь').

Концепция «хорошего» коня отражена больше всего у тувинцев и казахов, им важно, чтобы конь был ухоженный, упитанный. Для русских важна масть коня, а вот англичане рассматривают коня только в связке с владельцем: высокий конь — признак высокого статуса, маленький — зато легче ухаживать.

Теперь представим объективизацию реальности через зооним 'конь' во фразеологическом фонде исследуемых языков.

В **ТУВИНСКОМ** языке понятие 'продолжение рода' и 'смерть' выражено через коня: *Абдының бажы хаяр* — умирать (букв.: 'Дернется голова его лошади'). *Аът өлур — баглаажы артар, ада өлур — оглу артар* 'Конь падет — коновязь останется, отец умрет — сын останется'.

Конь в тувинском языке связан с человеческим восприятием видимости (Аът кулаа көзулбес — очень темно, не видно ни зги; букв.: 'Не видно конских ушей'); частоты действия (Аът мыяа кургатпас — то же, что и *аът өдээ кевирбес* — очень часто гостить или бывать где-л.; букв.: 'Не давать высохнуть конскому помету') и расстояния (Аът кудуруу ызыртыр — не отставая, вслед за следом, сразу наступая на пятки; букв.: 'Хвост лошади кусая'). Настроение тувинца тоже измеряется конем: вдохновиться, воодушевиться — *хей абды көдурлур*; букв.: 'Воздушный конь его поднимается'. Печалиться, грустить — *хей абды кудулаар*; букв.: 'Воздушный конь его опускается'.

В **казахском** языке конь связан с восприятием расстояния: *Ат шаптырым Тай шаптырым* (2–3 км) — расстояние, покрываемое лошастью галопом (далеко), и расстояние, которое может преодолеть жеребенок (близко); видимости: *Ат құлағы көрінбейтін ақ боран*; букв.: ‘такой буран, когда не видно ушей лошади’; меры: *Ат басындай алтын*; букв.: ‘Золота, величиной с голову лошади’. И, как и в тувинской фразеологии, в казахской конь тоже символизирует круг жизни: *Ат ұстарың өзіңе тартсын!* ‘Пусть наследник будет похож на тебя!’, *Ат байлады* — ‘Привязать коня’ (сообщить, какого пола новорожденный).

А вот для **русского** языкового сознания конь не является мерой и величиной, не метафоризируется в круге жизни и только некоторые человеческие характеристики вербализируются через ФЕ с зоонимом конь: старый конь — опытный человек, боевой конь — ветеран; сильного, рослого мужчину сравнивают с жеребцом или битюгом. И в этом зооним ‘конь’ во фразеологии русского языка совпадает с зоонимом ‘конь’ в английском языке: *War horse* ‘Боевой конь’, ветеран; *A willing horse* — человек, с готовностью берущийся за что-нибудь, взваливающий на себя всю работу, рабочая лошадка; *Eat like a horse* — отличаться завидным аппетитом.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что животное ‘конь’ играет важную роль в жизни охотников и кочевников. И в тувинских ФЕ, и в казахских ФЕ конь содержит множество деталей, разнообразие характеристик и участвует во всех жизненно важных для человека событиях от рождения до смерти, в то время как в русских и английских ФЕ конь — это символ силы и выносливости в метафорическом значении способ передвижения (путники, воины, торговцы) — в прямом.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов ыт /ит / собака / dog

Рассмотрим зооним **собака**, который оказался ведущим среди ФЕ русского и английского языка и занял второе место во фразеологии казахского и тувинского языка.

Сопоставительный анализ будем проводить по тем же выбранным нами основаниям: 1) внешний облик, фиксация характерных признаков, деталей; 2) эмоциональная составляющая, оценочные характеристики, свойства, животного и 3) объективизация окружающей действительности через образ животного.

Роль собаки в культуре большинства народов мира связана с тем, что это первое прирученное человеком животное.

В тувинской фразеологии находим следующие детали, характеризующие образ собаки *ыт*: голова и шкура (*Ыдының кежин дедир кедер* — букв.: ‘Надевать собачью шкуру вниз головой’; *ыдының кежин кедер* — букв.: ‘Надевать собачью шкуру’, в знач.: упрямиться, артачиться, пятиться назад), а также язык (*Ыт дылы дег* — маленький, мизерный; букв.: ‘Как собачий язык’). Оценочных характеристик собаки в тувинских ФЕ и поговорах не обнаружено.

Зооним *ит* ‘собака’ в казахской фразеологии занимает почти такое же важное место, как и *конь/ат*. Характерными деталями казахской собаки является хвост (*Ауыл итінің құйрығы қайқы*; ирон. букв.: ‘у аульных собак хвост крючком’), помет и шерсть (*Ит боғынан қыл шықпай қалмайды* ‘В помете собаки обязательно найдется шерсть’), сердце (*Ит жүрек* ‘Собачье сердце’ (бесстрашный человек)); *Ит түрткі болды* ‘Собака мордой подтолкнула’ (толчок к чему-либо); душа (*Ит жанды*; букв.: ‘Душа как у собаки’: выносливый, живучий) и шкура (*Ит терісін басына қаптау*; букв.: ‘Надевать собачью шкуру на голову’: сильно бранить кого-либо). Казахская собака может быть белой и черной (*Аузынан ақ ит кіріп, қара ит шығу*; букв.: ‘Из его рта белая собака выходит черной’), синей (*Көк ит* ‘Синяя собака’ (подлый человек)) и красной (*Қызыл итке жем болу*; букв.: ‘Стать кормом красной собаки’: стать чужой добычей).

В русских ФЕ отмечены следующие детали-показатели собаки: ноги (*Нужен как собаке пятая нога*; прост.: нисколько, ничуть, совершенно не нужен) и хвост (*Псу под хвост*; груб.-прост.: 1) впустую, даром, зря, напрасно; 2) не стоит внимания что-либо; заслуживает пренебрежения). Русская собака может быть серой и белой (*Серого кобеля не отмоешь до бела* — человеческую природу не исправишь); комнатной (*Комнатная собачка* — бесхарактерный человек); брехливой и молчаливой (*Не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой* — не бойся человека, который много говорит и грозит, бойся того, кто все делает молча, исподтишка); нерезаной (*Как собак нерезаных*; прост.: очень много) и спящей (*Разбудить спящего пса* — озлобить опасного человека).

Среди зоонимов английских фразеологизмах *dog* 'собака' занимает ведущее место, оправдывая стереотипное название Великобритании — «Британский бульдог». У английской собаки есть шерсть (*Take a hair of the dog that bit you*; букв.: 'возьми шерсть собаки, которая тебя укусила'. В знач.: опохмеляться); голова (*Better be the head of the dog than a tail of the lion* 'Лучше быть головой собаки, чем хвостом льва'); нос (*Dog's nose*; жарг.: 'Собачий нос' (смесь джина с пивом)); хвост (*The tail wagging the dog* 'Хвост виляет собакой' = 'Яйца курицу учат') и блевотина (*The dog returns to his vomit* 'Собака возвращается к своей блевотине' (библ.)). Английская собака бывает черной (*The black dog is on one's back* 'Черная собака на чьей-то спине', в знач.: хандрить, находиться в состоянии уныния); мертвой (*A dead dog* 'Мертвая собака', в знач.: бесполезная вещь); грязной (*A dirty dog* 'Грязная собака', т. е. подлец, грязная скотина, свинья); хромой (*Help a lame dog over a stile* 'Помочь хромой собаке взятый барьер'; в знач.: выручить из беды); живой (*A living dog is better than a dead lion* 'Живая собака лучше мертвого льва' (библ.)); красной (*A red dog* 'Красная собака' = покер (где игрокам сдают семь карт)); морской (*Sea dog* 'Морской волк'); спящей (*Wake a sleeping dog* 'Разбудить спящего пса' (озлобить опасного человека)); повешенной (*Hang-dog air* 'С видом побитой собаки'); старой (*An old dog barks not in vain* 'Старый пес не будет напрасно лаять'); лающей (*Barking dogs seldom bite* 'Не бойся собаки, которая лает'); молчаливой (*Beware of a silent dog and still water* 'Бойся молчаливой собаки и тихого омута') и желтой (*Yellow dog* 'Подлый, трусливый человек, презренное существо').

Подводя промежуточный итог, следует отметить в казахской фразеологии наличие у собаки понятий 'души' и 'сердца' и дуальную природу собаки в русской и английской фразеологии, характеризующуюся бинарными оппозициями *серая — белая*, *молчаливая — брехливая* в русских ФЕ и *dead — living* (мертвая / живая), *barking — silent* (лающая / молчаливая) в английских ФЕ.

Перейдем к рассмотрению оценочных характеристик зоонима собака в четырех исследуемых языках. Прежде всего, следует отметить, что мы не обнаружили оценочных характеристик собаки во фразеологии тувинского и русского языков, а единственной оценочной характеристикой во фразеологии казахского языка было определение *хороший* (*Жақсы ит өлігін көрсетпейді* 'Хорошая собака прячет свою смерть'). При этом, в английской фразеологии оценочные характеристики собаки оказались весьма разнообразны: *умная* (*Clever dog* 'Умная собака, умница'), *скучная* (*A dull dog* 'Скучная собака', т. е. скучный, нудный человек, зануда), *веселая* (*A gay dog* 'Веселая собака', т. е. беспутный человек), *печальная* (*A sad dog* 'Печальная собака', т. е. мрачный, угрюмый человек), *хитрая* (*A sly dog* 'Хитрый пес', хитрец), *неудачливая* (*Under dog* 'Подчиняющаяся, побежденная сторона'), *хорошая* (*A good dog deserves a good bone* 'Хорошей собаке — хорошая кость', т. е. по заслугам и честь), *брезгливая* (*Scornful dog will eat dirty pudding* 'Брезгливой собаке достается грязный пудинг') и *удачливая* (*Top dog* 'Хозяин положения').

Собака играет важную роль в познании человеком мира. Потеря умственных способностей в тувинском языке связана с собакой (*Угаанын ит чикпем*; букв.: 'Ум его съела собака') и потеря сна тоже (*Уйгузун ит чиген* — страдающий бессоницей; букв.: 'Сон его собака съела'); собака является также мерой величины (*Ит дылы дег* — Маленький, мизерный; букв.: 'Как собачий язык').

В казахской фразеологии собака вовлечена в жизненный цикл человека (*Ит көйлекті бұрын тоздырған* 'Собачью одежду раньше сносил' (у казахов первая одежда младенца называется собачьей) в знач.: 1) повзрослел, стал опытным, 2) первая рубашка младенца). Если в тувинском языке показателем достатка является лошадь, то в казахском языке собака — показатель крайней нищеты (*Ит (көзі) көрмес, түтін танымас*; букв.: 'Даже собака не чувствует дыма', в знач.: бедствовать, еле-еле сводить концы с концами. *Ит мініп, ирек қамшылау*; букв.: 'Сесть на собаку и камчу волочить по земле', в знач.: влачить жалкое существование).

В русском языке крайняя степень чего-либо связана с собакой (*Собачий холод* — очень холодно, *Собачья жизнь* — трудная, тяжелая жизнь). Фразеологизм *собачья жизнь* в значении 'несчастливая, тяжелая жизнь' присутствует во всех четырех исследуемых нами языках.

Кроме ожидаемых сравнений поведения собаки с человеком, нашедшее отражение во всех исследуемых языках, англичане связывают с собакой погоду, например, жаркие дни лета (*Dogs days* — знойные, жаркие дни в июле и августе, палящий зной) или проливной дождь (англ. *to rain like cats and dogs* — букв.: 'Дождь идет кошками и собаками' = дождь льет, как из ведра). Еще два фразеологизма (*under dog* — аутсайдер и *top dog* — фаворит, хозяин положения) образуют концептную пару в английском языке, поскольку давно потеряли историческую связь с собачьими бегами, но отражают соревновательный, азартный характер британцев.

Итак, по материалам исследованных фразеологизмов можно сделать вывод, что отношение к собаке в большинстве исследуемых фразеологизмов отрицательное, лишь в единичных случаях человек признает собачью преданность и храбрость.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов хой/қой/овца/баран/sheep

Следующим зоонимом, совпавшим в четырех рассмотренных фразео-паремиологических фондах, стала овца.

Из немногих тувинских ФЕ и паремий можно выделить следующие характеристики. Овца лежащая (*Чыткан хой тургуспас* — смирный, тихий, скромный; букв.: 'Лежащей овцы не испугнет') и она противопоставлена волку, несовместима с ним (*Бөрүге хой кадартпа, чазыйга хымыш тудуспа* 'Не давай волку овец пасти, не давай поварежки жадному').

В казахских ФЕ и паремиях представлены следующие характеристики овцы: она синяя (*Көк ала қойдай қылу (ету)*); букв.: 'Сделать подобным синей овце', т. е. сильно избить кого-либо); белая (*Ақтылы қой, алалы жылқы*); букв.: 'Белые овцы, пестрые лошади', т. е. стада баранов и табуны лошадей всех мастей); пестрая (*Ала қойды бөле қырыққан жүнге жарымас*); букв.: 'Кто стрижет пеструю овцу отдельно по цвету, тот не получит достаточно шерсти'; старая (*Кәрі қойдың жасындай жасы қалу*); букв.: 'В возрасте старой овцы', т. е. старец, престарелый человек); смирная (*Қойдан қоңыр*); букв.: 'Смирнее овцы', т. е. ничем не приметный, незаметный); хромая (*Ақсақ қой түстен кейін маңырайды*); букв.: 'Хромая овца блеет', после полудня (о том, кто спохватывается с опозданием) и худая (*Арық қойдын бағасы кейін 'Худому барану цена ниже'*). Из частей тела овцы в казахской фразеологии упоминаются рот (*Қой аузынан шөп алмас*); букв.: 'Не вырвет травинки изо рта овцы', т. е. робкий, застенчивый); глаза (*Қой көз*; в знач.: светло-карие глаза) и шерсть (*Ала қойды бөле қырыққан жүнге жарымас*); букв.: 'Кто стрижет пеструю овцу отдельно по цвету, тот не получит достаточно шерсти'.

В казахском мировосприятии время мира и процветания связано с овцой (*Қой үстіне боз торғай жұмыртқалаған (ұялаған) заман*); букв.: 'Время, когда жаворонок на овце несет яйца (гнездится)', т. е. мирное время, счастливая, безмятежная жизнь, благоденствие).

Во фразеологии русского языка характеристики у овцы диаметрально противоположные: она либо заблудшая (*Заблудшая овца*; книжн.: человек, сбившийся с правильного жизненного пути), либо невинная (*Прикинулся невинной овечкой*; разг.: будто ничего не знает, ни в чем не виноват), либо паршивая (*Паршивая овца* — дрянной человек). При этом следует отметить, что характеристики овцы в русской фразеологии взяты из библейских текстов и совпадают с английскими фразеологизмами.

Английская овца черная (*A black sheep* 'Паршивая овца', т. е. позор в семье, негодяй), потерянная (*Lose the sheep for a halfpenny worth* 'Потерять что-либо ценное из-за мелочной экономии'), заблудшая (*Lost sheep* 'Заблудшая овца', т. е. человек, сбившийся с пути истинного) и паршивая (*One scabbed sheep infects the whole flock* 'Паршивая овца все стадо портит'). Из частей тела в английских фразеологизмах упоминаются глаза овцы (*Cast sheep eyes* 'Смотреть на кого-либо влюбленными глазами') и спина (*On the sheep's back*); букв.: 'На спине овцы', т. е. благодаря овцеводству, благодаря торговле шерстью).

В целом образ овцы как послушного, мирного животного, не отличающегося особым умом, прослеживается во всех четырех исследуемых языках.

Этнокультурная маркированность зоонима/-ов бөрү/бөрі/қасқыр/волк/wolf

Неразрывно связан с овцой и зооним волк. В тувинской фразеологии физические характеристики волка отсутствуют, мы знаем только то, что он радуется родной чаше (*Даг көргенде, бөрү омак, даай көренде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, а племянник рад, на дядю глядя') и ему нельзя пасти овец (*Бөрүге хой кадартпа, чазыйга хымыш тудуспа* 'Не давай волку овец пасти, не давай поварежки жадному').

В казахской фразеологии находим следующие характеристики волка: с серой холкой (*Көкжал бөрі*); букв.: 'Волк с серой холкой'; 1. Серый волк (самец), 2. Смелчак.; голодный (*Аш бөрідей*); букв.: 'Как голодный волк') и смелый (*Бөрі бет батылдык* 'Волчья смелость').

Из физических характеристик волка в русской фразеологии присутствуют следующие: серый (*Волк и каждый год линяет, а все сер бывает* — нельзя исправить человеческую природу) и голодный (*Голоден*

как волк). Из частей тела волка отмечены ноги (*Волка ноги кормят* — не позаботишься о себе сам, никто не поможет) и рот/пасть (*Не клади волку пальца в рот* — не рискуй понапрасну). К оценочным характеристикам относятся матерый (*Матерый волк* — опытный, знающий человек), травленный (*Травленный (старый) волк* — человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания), морской (*Морской волк* — опытный моряк).

Русское языковое сознание воспринимает общество, живущее по законам выживания, сравнивая его с волчьим (*Волчий закон* — беззаконие, опирающееся на грубую силу; *Волк волка не съест* — животные одного вида не убивают друг друга).

В **английской** фразеологии волк одинокий (*A lone wolf* ‘Волк-одиночка’), прожорливый (*As greedy as a wolf* ‘Прожорливый как волк’), большой и плохой (*The big bad wolf* ‘Страшный, серый волк’ (шутл.), досл.: большой, плохой волк).

Концепция выживания по праву сильного заложена и в английской фразеологии: *One must howl with the wolves* ‘С волками жить — по-волчьи выть’, *Man is wolf to man* ‘Человек человеку — волк’.

Этнокультурная маркированность зоонима/ов куш/күс/птица/bird

Это первый собирательный зооним, совпавший в четырех языках, хотя в их составе присутствуют и разные виды птиц.

В тувинской фразеологии физические и оценочные характеристики птицы отсутствуют, но тувинцы связывают птичье гнездо с Родиной (*Куш уялыг, кижы чурттуг* ‘У птицы гнездо — у человека Родина’), а дерево, полное прилетевших птиц — с людьми, собравшимися в одной юрте: *Будуктуг ыяшка куш чыгыр, буянный өгге чон чыгыр* ‘К ветвистому дереву птицы слетаются, к приветливой юрте народ собирается’).

Физические характеристики птицы в **казахской** фразеологии следующие: двухголовая / двух голов (*Кі басты самұрық құс* ‘Двуглавый семург’ (сказочный орел)), перелетная (*Жыл құсындай*; букв.: ‘Как перелетная птица’) и с хвостом (*Аузымен құс (құс құйрығын) тістеген (ілген)*; букв.: ‘Ртом хватаящий птицу’ (хвост птицы)). Оценочные характеристики следующие: приносящая богатство (*Дәулет құсы*; букв.: ‘Птица изобилия’ (богатство)), приносящая счастье (*Бақыт құсы* ‘Птица счастья’), душевная (*Көңіл құсы* ‘Душевная птица’, заветная мечта, сердечный друг).

Казахи отождествляют птицу с заветной мечтой, птица улетела — душа осталась без мечты.

Физические характеристики и части тела птицы, выделенные нами в русских фразеологизмах, следующие: синяя птица (символ неуловимого счастья), невелика птица (пренебр. о незначительном человеке) и мала птичка да коготок остер (нельзя судить по внешнему виду). Кроме коготка в русской фразеологии упоминается еще птичье молоко, как нечто крайне редкое. К оценочным характеристикам можно отнести устойчивое сочетание важная птица (человек, занимающий высокое положение), вольная птица/пташка (свободный, независимый человек), птица высокого полета (влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе), птица невысокого полета (человек, не занимающий видного, значительного положения в обществе), обстрелянная/стреляная птица (очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек), райская птица (птица с ярким, красивым оперением), хищная птица (жадный, полный стремления овладеть чем-либо), ранняя пташка (тот, кто просыпается очень рано), худа та птица, которой гнездо свое не мило (плох человек, который не любит свою родину), редкая птица (редкость, диковина) и жить как птица небесная (беззаботно).

В большинстве русских фразеологизмов птица олицетворяется с человеком (*Что это за птица?* Ирон.: Кто это?), с его социальным статусом (*Птицу видно по полету, На птичьих правах*) и общности интересов с другими людьми (*Птицы одного полета*).

В **английской** фразеологии птица мертвая (*A dead bird* ‘Дело верное’), маленькая (*A little bird told/whispered to me* ‘Мне об этом рассказали по секрету’) и заклученная (*Jail bird* ‘Уголовник, закоренелый преступник, рецидивист’). Из частей тела птицы упоминаются перья (*Birds of a feather flock together* ‘Рыбак рыбака видит издалека’).

К оценочным характеристикам зоонима ‘птица’ в английском языке мы отнесли также группу, связанную с мифологией: римская птица (*The bird of Jove / the Roman bird* — орел), июньская птица

(*The bird of Juno* — павлин), *птица Миневры* (*The bird of Minerva* — сова), *райская птица* (*A bird of paradise*), *перелетная птица* (*A bird of passage*), *хищная птица* (*A bird of prey*), *птица Вашингтона* (*The bird of Washington* — американский орел на государственном гербе США), *хитрая птица* (*A downy bird*), *хорошенькая птица* (*A dolly bird* 'нарядная девушка, куколка'), *ранняя птица* (*an early bird*), *веселая птица* (*A gay bird* — весельчак), *queer bird* (человек со странностями), *A rare bird* (редкая птица, редкость, диковина (этим. лат.)), *арабская птица* (*The Arabian bird* — феникс) и *живая птица* (*As live as a bird* 'Живой как птичка').

Как и в русской фразеологии, птица в английских идиомах связана со статусом и интересами человека (*Birds of a feather* 'Люди одного склада'; *A bird may be known by its song* 'Видно птицу по полету').

Если в казахской и русской фразеологии существует связь птицы со счастьем и достатком, то в английской птица может быть предвестником беды (*A bird of ill omen* — человек, приносящий или предсказывающий несчастье, вестник несчастья), а также ассоциируется с потерей сознания/нокаут-ом (*Hear the birdies thing* — быть нокаутированным, потерять сознание).

В качестве обобщения отметим, что зоонимная пара «конь» — «собака», присущая ориентальному языковому сознанию (тувинскому и казахскому), в процессе движения на запад поменяла свой порядок с *конь-собака* в тувинской фразеологии, *конь-собака* в казахской фразеологии, на *собака-волк-конь* в русской фразеологии и *собака-кошка-конь* в английской фразеологии (налицо смена кочевого на оседлый образ жизни).

Зоонимная пара «овца и волк» как модель «жертва — хищник» отражена во всех исследуемых фразеологических системах. Еще одна зоонимная пара *собака-кошка* как вечные враги представлена во фразеосистеме казахского, русского и английского языков, но отсутствует в тувинском языке.

Крылатое выражение 'Троянский конь' в значении «скрытая опасность» был заимствован из греческой мифологии и в казахскую, и в русскую, и в английскую фразеологию, но не представлен в тувинской: это свидетельствует о том, что тувинскому языку в этом контексте удалось сохранить свою уникальность и самобытность, избежав «вливаний» из других, в частности, западно-европейских, языков и культур.

Интересная зоонимная пара 'собака-птица' представлена в нескольких ФЕ казахского языка в значении разных людей, проходимцев: *Ит пен құсқа жем болды*: 1) остаться без погребения, 2) стать добычей для проходимцев (букв.: 'для собак и птиц'). *Ит пен құстың арқасында* 'С помощью собак и птиц' (разных людей).

Заключение

Предпринятое нами сопоставительное лингвокультурологическое исследование показало, что большее количество фразеологизмов и пословиц, включающих в себя зоонимический компонент, еще не является достоверным доказательством степени важности этого животного для жизнедеятельности изучаемого этноса. Надежным обоснованием суждений о степени значимости определенных видов фауны в процессе освоения окружающего мира является восприятие и детализация его (мира) объектов (в частности, определенных объектов животного мира) и сложная структура связей в его освоении/познании, выраженных в лингвокультурах.

Удачным примером, подтверждающим данное суждение, может служить традиционное фразеосочетание *Мен сені жақсы көремін* в казахском языке, означающее «Я тебя люблю», которое дословно переводится как 'Я тебя хорошо вижу'. На наш взгляд, в этой метафорической фразе заключается глубокий смысл способа познания окружающей действительности человеческим сознанием. Данные о любимом, значимом объекте имеют кумулятивный эффект. Они становятся «информацией» только тогда, когда они классифицируются и объединяются с ранее приобретенной информацией, включенной в общую картину мира (Калашникова, 2013: 92). Так, в нашем исследовании выявилось, что важность зоонима 'конь' для тувинца и казаха выражается не только в том, что он численно (по частоте употребления) превосходит остальные зоонимы во фразеологии этих языков, но и в том, что он более конкретизирован, детализирован, то есть наделен всевозможными визуализированными деталями и качествами в сознании этноса; что он вовлечен в сложную структуру когнитивно-концептуальных связей, прочно «вшит» в культурно-языковой код, определяющий этническую принадлежность данного лингвокультурного сообщества.

Предпринятое нами исследование показало также через определение культурно-языковой значимости зоонимической лексики во фразеологии сопоставляемых этносов обусловленность своеобразной степени избирательности проекции их (этносов) собственных характерных черт на поведенческие модели разных животных, в чем отразилась специфика архетипов сознания разных этносов в зависимости от ареала проживания и способов жизнедеятельности.

Нам представляется, что работы в этом направлении вполне перспективны и репрезентативны, поскольку содержат интересный исследовательский потенциал для последующего сопоставительного изучения архетипов языкового сознания разных этносов, отраженных во фразеологическом и паремиологическом фонде их языков. Такой материал привлекателен для исследователей возможностью решения задач о причинах обусловленности специфики и возможной их общности, а также о потенциальных возможностях изменения этого фонда в ходе исторического цивилизационного развития сопоставляемых языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова, Н. Д. (1999) Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик. 896 с. С. 3–11.

Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кадырханова, Б., Утегенова, К. (2016) Паремии с компонентом-зоонимом в русском и казахском языках // Инновации в современной лингвистике: сборник научных статей / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: б. и. Вып. 7. 141 с. С. 60–71.

Калашникова, Л. В. (2013) Когнитивные принципы процесса познания. Метафорическое понимание мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (19). С. 92–94.

Козлова, Т. В. (2003) Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та. 192 с.

Липпман, У. (2004) Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение». 384 с.

Мамбетова, Г. Т., Шингарева, М. Ю., Дмитриук, Н. В., Стычева, О. А. (2023) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом рука как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Никитина, Л. Б. (2004) Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира. Омск: Изд-во ОмГПУ. 148 с.

Рассадин, В. И. (2011) Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. С. 83–90.

Сарбасов, Б. С. (2016) Образ волка в казахском фольклоре // Вестник КазНУ. Серия филологическая. Т. 160. № 2. С. 183–186.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Урысон, Е. В. (2003) Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры. 224 с.

Шмелев, А. Д. (2005) Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 544 с. С. 133–153.

Mieder, W. (2019) «Time spent wishing is time wasted»: Temporal worldview in modern American proverbs. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 375 p.

Solopova, O. A., Nilsen, D., Nilsen, A. (2023) The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27 (3). P. 521–542. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

Дата поступления: 15.08.2024 г.

Дата принятия: 06.09.2024 г.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1999) Introduction. In: *Logical analysis of the language. The image of a person in culture and language* / ed. by N. D. Arutiunova and I. B. Levontina. Moscow, Indrik. 896 p. Pp. 3–11. (In Russ.).

Dambaa, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2021) Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 172–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kadyrkhanova, B., Utegenova, K. (2016) Paremias with a zoonym component in Russian and Kazakh languages. In: *Innovations in modern linguistics: a collection of scientific articles* / ed. by M. V. Pimenov. St. Petersburg, s. n. Issue 7. 141 p. Pp. 60–71. (In Russ.).

Kalashnikova, L. V. (2013) Cognitive principles of the cognition process. Metaphorical understanding of the world. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (19), pp. 92–94. (In Russ.).

Kozlova, T. V. (2003) *Semantics of phraseological units with animal names in modern Russian*. Moscow, MSU Publ. 192 p. (In Russ.).

Lippman, U. (2004) *Public opinion*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation. 384 p. (In Russ.).

Mambetova, G. T., Shingareva, M. Yu., Dmitriuk, N. V. and Stycheva, O. A. (2023) Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Nikitina, L. B. (2004) *Categorical semantic features of the image of homo sapiens in the Russian language picture of the world*. Omsk, OmGPU Publ. 148 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2011) The pastoral vocabulary of the Kalmyk language in comparison with the Turkish-Meskhetian. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 8. Vostokovedenie, pp. 83–90. (In Russ.).

Sarbasov, B. S. (2016) The image of a wolf in Kazakh folklore. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaja*, vol. 160, no. 2, pp. 183–186. (In Russ.).

Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Uryson, E. V. (2003) *Problems of studying the linguistic picture of the world: Analogy in semantics*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 224 p. (In Russ.).

Shmelev, A. D. (2005) Spirit, soul and body in the light of Russian language data. In: Zalizniak A. A., Levontina I. B. and Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow, Yazyki slavianskoi kul'tury. 544 p. Pp. 133–153. (In Russ.).

Mieder, W. (2019) *“Time spent wishing is time wasted”: Temporal worldview in modern American proverbs*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 375 p.

Solopova, O. A., Nilsen, D. and Nilsen, A. (2023) The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27 (3), pp. 521–542. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048>

Submission date: 15.08.2024.

Acceptance date: 06.09.2024.